

Трагический гуманизм бунта в философии Камю в свете катаклизмов XX века

Павлова Полина Владимировна

Выпускник (бакалавр)

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: polinapavlova02@mail.ru

Исследователи наследия А. Камю обычно выделяют два этапа в его творческом пути: этап абсурда и этап бунта, обозначая в качестве демаркационной линии 40-е года в биографии писателя и философа, когда Камю примкнул к французскому Сопротивлению. Война усиливает чувство причастности к истории, вследствие чего абсурд, относящийся до того по большей части к метафизическому пространству, обретает социальное измерение. Становится очевидной необходимость сопротивления злу, необходимость бунта.

В своем присоединении к Сопротивлению Камю исходил скорее из гуманистической позиции, потребности борьбы со злом, чем из веры в левые идеи. Сама концепция сопротивления имела для него очень ясный философский смысл, про который герой романа «Чума» Риэ скажет, что это «не героизм, а обыкновенная честность» [Камю, 1990, стр. 234]. Однако, принимая в качестве одного из своих принципов философскую честность, он не может преодолеть скачком разрыв между желаемым и действительным, как это сделали критикуемые им философы-экзистенциалисты. Так, Камю в своих рецензиях на роман Сартра «Тошнота» и рассказ «Стена» высказывается критически в отношении воззрений автора книг на свободу и абсурд. Камю не устраивают те выводы из ситуации абсурда, к которым приходит Сартр. Сартр, по мнению Камю, совершает «прыжок» из ситуации абсурда к примиряющим выводам. Камю, критикуя экзистенциалистов, назовет этот «прыжок» в «Мифе о Сизифе» «философским самоубийством», подразумевая побег от абсурда. Для Камю это недопустимо, отправная точка его философии – безнадежность мира. Отсутствие надежды как черта, отличающая философию Камю от экзистенциализма, подчеркивается исследователем его творчества Джерри Куртисом в его статье «Об антиэкзистенциализме Камю» [5]. Камю отличается от других экзистенциалистов тем, что категории будущего он предпочитает категории настоящего. Будущая справедливость не должна отвлекать от несправедливости настоящего. И счастье оказывается достижимым только для человека, живущего «здесь и сейчас».

Этим же объясняется счастье Сизифа. Сизиф у Камю в итоге оказывается счастливым, потому что ничего не ждет от мира, у него нет надежды, а значит нет и того разрыва с миром, который образуется от несбывшихся желаний. Он счастлив своим выбором, осознанием своей судьбы, не зависящей от молчаливой вселенной и находящейся в его руках. Сизиф принимает все как есть, но это не значит, что он смирился — он имеет мужество сопротивляться абсурду. Однако, важно подчеркнуть, что «все-таки стыдно быть счастливым одному» [Камю, 1990, стр. 266], как это скажет герой романа «Чума» Рамбер. Здесь «Миф о Сизифе» связывается с «Мифом о Прометее»: именно бунт становится общим местом для всех живущих людей, как декартова первая очевидность — для всех, обладающих разумом. В опыте переживания абсурда человек одинок, а в бунте человек обретает солидарность с другими, солидарность в борьбе за свободу, находя смысл собственной свободы.

Более того, философию Камю можно назвать моралистической, что несовместимо с экзистенциализмом, поскольку последний предполагает мораль как выбор человека следовать установленным в обществе законам или исходить из личных интересов. Мораль же

для Камю, особенно если говорить про Камю, уже пережившего абсурд и ужас военных лет, является важнейшей константой его философии. Его политическая позиция, не приемлющая любого насилия ради каких бы то ни было высших и прогрессистских целей, также не совпадает с позицией экзистенциалистов, в частности Сартра, допускающих насилие. Политика, по мнению Камю, должна заниматься сегодняшним днём. С этой точки зрения Камю тревожит та нормализация насилия, которая была свойственна популярным тогда коммунистическим воззрениям.

Таким образом, Камю, для которого никакие цели светлого завтра не могли оправдывать ужасы средств для их достижения, предлагает идею бунта как ограничение, которое не должно позволить нам в борьбе с тиранией самим впасть в неё. Доля бунтаря, чуждая любым абсолютизациям, заключается в том, чтобы не дать бунту стать революцией, ведь «революция XX века ради своих грандиозных завоевательных целей произвольно разделила неразделимые понятия. Абсолютная свобода — это насмешка над справедливостью. Абсолютная справедливость — это отрицание свободы. Животворность обоих понятий зависит от их взаимного самоограничения» [Камю, 1990, стр. 345].

Источники и литература

- 1) Камю А. Бунтующий человек // Камю. А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. С. 119-356
- 2) Камю А. Чума // Камю А. Избранное. М.: Правда. 1990. С. 111-340.
- 3) Спыну Л. М. В поисках истины: философия абсурда и свободы А. Камю // Вестник РУДН, Философия, 2012, № 3. С. 99–111.
- 4) Фокин С. А. Камю. Роман. Философия. Жизнь. СПб.: Алетейя, 1999. 384 с.
- 5) Curtis, J. Albert Camus as Anti-existentialist // Kentucky Romance Quarterly. 1975. Vol. 22, no. 1. P. 111 –123.